

27. *Traditsionnye zimnie sobraniya molodezhi Eniseyskogo rayona (Krasnoyarskogo) kraya. Po materialam V.S. Arefyeva i ekspeditsiy vtoroy poloviny XX veka [Traditional Winter Youth Meetings of the Yenisei District (Krasnoyarsk Region). Based on the materials of V.S. Arefyev and expeditions of the second half of the XX century].* Ed. by O.V. Krahaleva. Novosibirsk, Knizhitsa Publ., 2006. 92 p. (In Russ.).
28. Ursegova N.A. *Svadebnaya prichetno-pesennaya traditsiya russkikh starozhilov Sibiri: avtoref. dis. kand. iskusstvovedeniya [Wedding lament and song tradition of Old Settler Russian population in Siberia. Abstract diss. PhD Art History].* Novosibirsk, 2000. 16 p. (In Russ.).
29. *Fol'klor yuga Tyumenskoy oblasti: starozhily i novoposelentsy [Folklore of the South of the Tyumen Region: Old Settler and New Settlers population].* Ed. by L.V. Demina. Tyumen', Titul Publ., 2014. 240 p. (In Russ.).
30. Shchurov V.M. *Pesni Nizhney Tunguski [Songs of the Lower Tunguska River].* Moscow, Sovet. kompozitor Publ., 1977. 40 p. (In Russ.).

УДК 398.88

ПЕСЕННАЯ ТРАДИЦИЯ ЧУВАШЕЙ СИБИРИ В СВЕТЕ ТЕОРИИ ИНТОНАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ЭТНОСА

Измагилова Екатерина Игоревна, кандидат искусствоведения, научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири, Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск, РФ). E-mail: zhimul@ngs.ru

В настоящей статье предпринята попытка рассмотрения песенной традиции сибирских чувашей с позиций стратификации по музыкально-стилевым параметрам. Системный подход является актуальным для решения проблемы жанра в этномузыкологии. Применение указанной методологии к интонационной культуре некоренного для Сибири, переселенческого чувашского этноса свидетельствует о новизне исследования. В соответствии с уже разработанной методикой изучения предпринята характеристика жанрового состава песенной традиции сибирских чувашей в сравнении с их метропольной традицией. По аналогии с жанрами, бытующими в Среднем Поволжье, зафиксированные в Сибири жанры были атрибутированы как приуроченные к календарному и семейному обрядовому циклам, а также к необрядовой жанровой сфере. Помимо жанров, традиционных для чувашской фольклорной традиции, в интонационной культуре сибирских чувашей присутствуют жанры, заимствованные из русской традиционной музыки – песни поздней традиции, русские частушки, фольклоризованные православные песнопения. В результате анализа по основным музыкально-стилевым параметрам выделены и охарактеризованы шесть типологически различных музыкальных страт, включающих в себя как жанры, традиционные для чувашской фольклорной традиции, так и заимствованные жанры. Проведенное исследование уточняет существующую жанровую классификацию, а также способствует более верному осознанию роли заимствованных произведений в системе интонационной культуры чувашей Сибири.

Ключевые слова: интонационная культура этноса, системная методология, песенный фольклор чувашей Сибири, заимствованные жанры.

THE SIBERIAN CHUVASH SONG TRADITION IN THE LIGHT OF ETHNOS' INTONATION CULTURE THEORY

Ismagilova Ekaterina Igorevna, PhD in Art History, Researcher of Sector of Folklore of the Siberian Ethnic Groups, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: zhimul@ngs.ru

Theory of the ethnos' intonation culture in the modern domestic ethnomusicology is being one of the instruments for description and studies of the musical traditions of the indigenous people of Siberia.

Intonation culture consists of the layers or strata, determined by the grammar feature. Researchers distinguish the homomorphic, heteromorphic, combinational, simulating and combinational-simulating types of the strata. The aim of this work is consideration of the Siberian Chuvash song tradition from the viewpoint of stratification by the musical style parameters in comparison with their known genre classification. Application of the system approach to intonation culture of the re-settled Chuvash ethnos demonstrates the novelty of this work. According to the existing methodology of the re-settlers' folklore traditions studies, a comparison of the Siberian Chuvash genre content with the genre classification of the Chuvash folklore functioning in the Volga region was undertaken. The results of the comparative analysis indicate significant shortening the number of genre names and quantity of samples of calendar folklore recorded in Siberia; the family-ritual cycle is also reduced (the traditional Chuvash birth and burial rites). The non-timed genres are represented by the large number of samples, among which the guest songs, lyrical songs on various themes, Chuvash ditties. Besides the genres typical for the Chuvash folklore tradition, the Siberian Chuvash intonation culture includes the genres borrowed from the Russian traditional music: the songs of late tradition, Russian ditties, and folklorized Orthodox chants. As a result of analysis by the main musical style parameters, the six typologically different musical strata are distinguished and characterized. The genres typical for Chuvash music comprise heteromorphic stratum of the traditional Chuvash musical style, heteromorphic simulating stratum of the late lyrical songs, homomorphic stratum of the Chuvash ditties; the genres borrowed from the Russian musical culture are represented in the heteromorphic stratum of late tradition hybrid songs, homomorphic re-intonated stratum of the Russian ditties in the Chuvash language, heteromorphic re-intonated stratum of the folklorized chants.

Keywords: ethnos intonation culture, system methodology, Siberian Chuvash song folklore, borrowed genres.

В современном отечественном этномузыкальном исследовании теория интонационной культуры этноса выступает одним из инструментов описания и изучения музыкальных традиций коренных народов Сибири [8; 13]. Основные положения этой методологии сформулированы следующим образом: 1) целое несводимо к сумме его частей; 2) система допускает описание качественно различных уровней ее организации [13, с. 236]. По мнению исследователей, эти принципы являются наиболее важными для первого опыта системного анализа интонационной культуры того или иного этноса. При этом объект исследования рассматривается как совокупность элементов, имеющих не формальные, а качественные отличия [13, с. 236].

Концепция интонационной культуры этноса была развита в рамках системного подхода к анализируемым явлениям [13; 8]. Согласно этой концепции интонационная культура представляет собой нераздельную взаимосвязь плана выражения и плана содержания, при этом план выражения реализуется в этномузыкальной системе, а план содержания является частью культуры, выраженной в общественном сознании. Взаимосвязь элементов плана выражения и плана содержания

реализуется в грамматике [8, с. 213–214]. Интонационная культура состоит из пластов или страт, определяемых по грамматическому признаку и в той или иной степени взаимодействующих друг с другом [8, с. 214]. Исследователи выделяют следующие типы страт: гомоморфные (грамматически однородные страты), гетероморфные (включающие несколько разных интонационных моделей), комбинационные (в которых присутствуют фрагменты, относящиеся к разным грамматикам и к разным типам интонирования), моделирующие страты (содержащие образцы, подобные образцам из других страт, способные быть как бы отражением некоторой части всей интонационной культуры), а также комбинационно-моделирующие страты (имеющие признаки одновременно комбинационных и моделирующих страт) [8, с. 214–216]. Признаками, маркирующими страты, могут служить любые элементы плана выражения.

Обозначенный подход, основанный на стратификации интонационных явлений по грамматическим параметрам, является актуальным для решения разнообразных проблем этномузыкалогии, в частности, для проблемы жанра. Согласно

Таблица 1

**Традиционные песенные жанры чувашей,
зафиксированные в Поволжье и Сибири**

теории интонационной культуры этноса, жанры музыкального фольклора далеко не всегда совпадают с грамматическими стратами, поскольку жанры являются функционально семантическими единицами и выделяются прежде всего по критерию смыслового содержания. По мнению В. В. Мазепуса и его последователей, именно сочетание обоих подходов – общепринятой практики жанрового анализа и представления о стратах – дает возможность более подробно и точно описать реальное бытование интонационной культуры [8, с. 216].

Цель настоящей работы заключается в рассмотрении песенной традиции сибирских чувашей с позиций стратификации по музыкально-стилевым параметрам в сравнении с известной их жанровой классификацией. Применение системного подхода к интонационной культуре некоренного для Сибири, переселенческого чувашского этноса свидетельствует о новизне исследования.

По разработанной в трудах Н. В. Леоновой методике изучения переселенческих фольклорных традиций для выявления специфики их сибирского бытования, необходимо сравнение описаний этих традиций с исходными материнскими фольклорными комплексами [9–11]. Обратимся поэтому к системе жанров чувашского музыкального фольклора, выполненной на материале метрополии М. Г. Кондратьевым [6]. Так же как и в славянских фольклорных традициях, чувашские песенные жанры группируются по принципу наличия либо отсутствия обрядовой приуроченности. Приуроченные жанры, в свою очередь, составляют календарно- и семейно-обрядовый циклы. Песенные жанры, исполняющиеся вне зависимости от календарных вех и обрядов жизненного цикла, относятся к неприуроченным жанрам (названия жанров см. в табл. 1).

На основе полевых материалов, записанных в разных областях сибирского региона [5, с. 17], нами была предпринята попытка выстроить систему песенных жанров диаспорной традиции сибирских чувашей. По аналогии с жанрами, бытующими на материковой территории традиции (в Среднем Поволжье), зафиксированные в Сибири жанры были атрибутированы как приуроченные к календарному и семейному обрядовому циклам, а также к необрядовой жанровой сфере (см. табл. 1).

	Поволжье	Сибирь (с указанием кол-ва известных нам зафиксированных образцов)
Приуроченные жанры		
Календарно-обрядовый цикл	Песни праздников: <i>Раштав (Сурхури), Нартукан, Мӑнкун, Җӑварни, Сӗрен, Җимӗк уяв-вӑйӑ утӑҫи (вӑрман), кӗр сӑри, кӗреке, юпа, улах, хӗр сӑри, кӑшарни</i>	Новогодняя припевка <i>сурхури юррисем</i> ¹ (1), масленичные песни <i>Җӑварни юррисем</i> (18), <i>Сӗрен юррисем</i> (2), песни праздника <i>Җимӗк (Троица)</i> (2), хороводные песни <i>уяв-вӑйӑ юррисем (Петровские песни)</i> (24)
Семейно-обрядовый цикл	Песни родильных обрядов, колыбельные <i>сӑпка юррисем</i> , свадебные песни (<i>туй</i>), <i>хӗрсузм, җенӗ хӑта, тавӑрна юррисем</i> , плачи невесты <i>хӗр йӗрри</i> , рекрутские <i>салтак (некрут) юррисем</i> , похоронные <i>сасӑ кӑларни</i> , поминальные <i>пумилкке юррисем</i>	Свадебные песни <i>туй юррисем</i> (28), плачи невесты (2), рекрутские песни <i>салтак (некрут) юррисем</i> (27)

¹ В фольклорной традиции сибирских чувашей часть этнических названий песенных жанров сохранилась, названия же некоторых жанров оказались утраченными.

Окончание таблицы 1

	Поволжье	Сибирь (с указанием кол-ва известных нам зафиксиро- ванных образцов)
Неприуроченные жанры		
	Гостевые застольные <i>хйна, ёскё-сикё</i> <i>юррисем</i> , молодёжные любовно-лирические <i>самрайсен юрату</i> <i>юррисем</i> , сиротские <i>тӓлӓх</i> , переселенческие <i>сён сёре каякансен</i> <i>юррисем</i> , Песни, связанные с трудом: помочан- ские <i>ниме юррисем</i> , сенокосные <i>утӓси</i> <i>юррисем</i> , песни свайщиков, бурла- ков, ремесленников и т. п.	Гостевые песни (в т. ч. застоль- ные, провожаль- ные) (74), традиционные лирические <i>вором</i> <i>юррисем</i> (57), поздние лириче- ские песни (51), чувашские частушки и припевки под пляску (88)

Таблица демонстрирует значительное сокращение числа жанровых наименований, зафиксированных в Сибири образцов календарного фольклора; количество этих образцов также весьма небольшое. В сравнении с многообразием календарно-обрядовых жанров, присущим материковой фольклорной традиции, очевидно значительное сокращение их бытования в Сибири. Также редуцирован семейно-обрядовый цикл: в нем совершенно не представлены родильный и традиционно-чувашский похоронный обряды (вместо похоронных *сасӓ кӓларни* в известных нам локальных традициях исполнялись православные песнопения «Трисвятое», «Отче наш» и т. п.). При этом сохранились образцы, относящиеся к свадебному обряду, а также песни, поющиеся

во время проводов призывников в армию. В числе причин сокращения исполнения календарных песен укажем на неблагоприятные климатические условия для сельского хозяйства в Сибири, постепенную утрату веры в магическую функцию воспроизведения обрядовых жанров, смену условий организации сельскохозяйственных работ с общинных на колхозные, а также общие эрозивные процессы, произошедшие с традиционной культурой в течение прошедшего столетия. Несомненно лучшей сохранностью свадебных и рекрутских песен объясняется их большей востребованностью и актуальностью для сельского населения XX века.

Неприуроченные жанры представлены большим количеством образцов. Вплоть до настоящего времени в Сибири можно зафиксировать гостевые песни, лирические песни с разнообразной тематикой и относящиеся к разным хронологическим и стилевым пластам, чувашские частушки, шуточные и детские песни (в небольшом количестве). Это обусловлено их независимостью от обрядовой практики, в силу разных причин практически ставшей невостребованной к концу XX века, существованием ситуаций для их воспроизведения (застолья, совместное времяпровождение во время праздников) и, соответственно, значимостью песен этих жанров для современных этнофоров.

Помимо жанров, традиционных для чувашской фольклорной традиции, в интонационной культуре сибирских чувашей присутствуют жанры, заимствованные из русской традиционной музыки. Заимствование песенных мелодий и сюжетов, начавшееся в более ранний период в Поволжье, интенсифицировалось в Сибири, поскольку этот процесс особенно характерен для бытования традиции в условиях диаспоры [7, с. 150]. Среди заимствованных образцов сибирского бытования – частушки с русскими напевами, русские песни позднего периода формирования («Черный ворон», «Александровский централ», «Как на кладбище Митрофановском»), а также фольклоризованные православные песнопения (Трисвятое, пасхальный и рождественский тропари и др.) и сходный с ними по звучанию поминальный духовный стих (см. табл. 2).

Таблица 2

**Жанры, заимствованные
из русской традиционной музыки**

Поволжье	Сибирь (с указанием количества известных нам зафиксиро- ванных образцов)
Напевы песен «Александровский централ», «Кирпичики» («Как на кладбище Митрофановском») [7, 141–143]	Образцы с напевами (и сюжетами) песен поздней традиции «Как на кладбище Митрофановском», «Александровский централ», «Черный ворон» (12)
Факты бытования частушек с русскими напевами и чувашскими текстами, а также фольклоризованных православных песнопений на территории Поволжья в исследовательской литературе к настоящему моменту не отражены	Русские частушки (40)
	Фольклоризованные православные песнопения (21), поминальный духовный стих (1)

Следовательно, в интонационной культуре сибирских чувашей отчетливо выделяются две крупные группы жанров – традиционные и заимствованные. Для более детальной и точной жанрово-стилевой атрибуции предпримем попытку применить к образцам чувашского песенного фольклора подходы, сложившиеся в теории интонационной культуры. Рассмотрим соотношение жанров и страт, организованных по грамматическим или музыкально-стилевым признакам.

В ходе работы были проанализированы ладоинтонационный уровень, ритмика, особенности тематизма, структуры и формообразования музыкальных образцов, а также фактура совместного пения (в образцах, исполняемых двумя и более исполнителями). Проведенный анализ подтвердил, что значительная, наиболее репрезентативная часть традиционной чувашской музыки организована по общим признакам (ангемитонно-пентатонная ладовая система, квантитативная ритмика, наличие устойчивых мелодико-ритмических формул, музыкально-строфические формы, основанные на 7–8- и 9–11-слоговом стихах, ге-

терофонный склад многоголосия). В эту *страту традиционного чувашского музыкального стиля* оказались включены жанры календарной и семейно-обрядовой приуроченности, а также традиционные гостевые песни (всего 176 образцов). В качестве яркого примера, иллюстрирующего страту традиционной чувашской музыки, приведем масленичную песню, звучавшую во время катаний на лошадях (см. Приложение, пример 1)².

Вторую страту образовали собой поздние лирические песни. Этот жанр относится к чувашскому фольклору так называемого нового музыкального стиля [7, с. 137–142]. Признаками этого стиля являются опора на диатонические мажор и минор, близкие тонально-гармоническим ладам (при наличии ангемитонных оборотов в мелодии), акцентная ритмика тактового типа (отсутствие квантитативных ритмических ячеек), четкие строфические формы. В этих образцах явно моделируется стиль русских лирических песен поздней традиции. Лирические песни позднего стиля отличаются повествовательным типом сюжетосложения, не характерным для традиционных афористических чувашских песен. В качестве примера приведем песню об одинокой девушке, скучающей по своему возлюбленному (см. Приложение, пример 2)³.

Третья страта – чувашские частушки и припевки под пляску. Все известные нам сибирские образцы этого жанра звучат с одним напевом, сформировавшимся, вероятно, в поздний период не без влияния напевов русских частушек [12, с. 124–126]. Поскольку чувашские частушки также принадлежат к новому музыкальному стилю, для них характерен ряд уже указанных признаков, свойственных поздним лирическим песням (особенности ладовой и ритмической организации и формообразования). Основное отличие образцов второй и третьей страт заключается в мелодике, более индивидуализированной, развитой и разнообразной в песнях и представ-

² Записано 10.07.2003 Н. В. Леоновой, Е. И. Жимулевой, М. М. Андреевой в д. Чуваши Северного района Новосибирской области от Т. А. Слепченко.

³ Записано 14.07.2003 Н. В. Леоновой, Е. И. Жимулевой, М. М. Андреевой в д. Витинск Северного района Новосибирской области от С. П. Орловой, Н. П. Гавриловой, Л. П. Красновой.

ленной одним малообъемным, стандартизированным напевом в частушках (см. Приложение, пример 3)⁴.

Далее рассмотрим жанры, заимствованные из русской традиционной музыки. Эта группа жанров еще более разнородна и содержит в себе несколько страт. Первую страту составляют частушки с чувашскими текстами и русскими напевами. В основе практически всех образцов, относящихся к этой страте, лежит напев «Подгорной», преломляющийся в большом количестве вариантов. При этом сохраняются инвариантные черты напева: двустрочная четырехфразовая структура, фразы которой соотносятся между собой как *aa, bc*, универсальная для многих частушечных и плясовых напевов ритмоформула: чередование восьми- и семисложника (восемь кратких длительностей и шесть кратких и один долгий звук соответственно), нисходящее движение мелодии. В мелодике многих частушек, записанных от чувашей, преобладает речитативность, даже скандирование на одном звуке, что подчеркивает заложенное в них плясовое начало (см. Приложение, пример 4)⁵.

Вторая страта заимствований – песни, звучащие с чувашскими текстами и русскими мелодиями. В основном это варианты трех русских песен поздней традиции («Черный ворон», «Как на кладбище Митрофановском», «Александровский централ»), имевших чрезвычайную популярность в начале XX века [4]. Напевы этих образцов опираются на тонально-гармоническую ладовую систему, им свойственны акцентная ритмика, терцовая втора в двухголосии, четкие строфические композиции. Можно заметить некоторую близость образцов этой страты к страте частушек, основные же отличия присутствуют в интонационном наполнении страты заимствованных песен – в развитой, интонационно выразительной мелодике и более разнообразной ритмике, чем в частушечных напевах. Подобные песни свидетельствуют о явлении гибридизации в чувашском

фольклоре – совмещении чувашских текстов и русских напевов (см. Приложение, пример 5)⁶.

Следующая страта заимствований значительно отличается от двух уже описанных – это страта фольклоризованных православных песнопений (Трисвятое, тропарь Пасхи, тропарь Рождества, Отче наш и другие наиболее известные богослужебные тексты). Музыкальная организация этих произведений представляет собой монодийное преломление отдельных партитурных голосов (преимущественно басового) многоголосных церковных напевов (см. Приложение, пример 6)⁷. Во всех известных нам образцах песнопений, записанных от народных исполнителей, исходная мелодическая линия басового голоса значительно мелодизируется, поскольку функциональная гармоническая логика движения басового голоса не находит отклика в сознании исполнителей и поэтому практически никогда точно ими не воспроизводится). Для мелодики фольклоризованных образцов песнопений характерна преобладающая роль поступенного движения, заполнение скачков либо их отсутствие, интонации опевания опорного тона⁸. Таким образом происходит процесс переинтонирования церковных напевов, бытующих в народно-песенной среде. Практически так же организован напев единственного известного нам чувашского духовного стиха.

В отдельных случаях расхождения с богослужебными первоисточниками настолько существенные, что позволяют оценить фольклоризованные образцы песнопений как их фольклорные версии [3, с. 130–131]. В качестве примера приведем одну из версий напева песнопения Трисвятое (см. Приложение, пример 7)⁹. В чувашской версии интонация *a-g-c'*, заложенная в мелодике богослужебного образца, получает совершенно иную реализацию с утверждением опоры на

⁶ О сходном процессе в музыкальном фольклоре мордвы см. в [2, с. 64, 65].

⁷ Опубликованный богослужебный вариант одного из самых известных (в том числе и в народно-песенной традиции) песнопений – Трисвятого – представлен в примере 6 [1, с. 44].

⁸ Подробнее об этом см. в [3, с. 130].

⁹ Записано 11.06.2005 Е. И. Жимулевой, М. М. Андреевой в д. Сидоровка Колыванского района Новосибирской области от К. П. Акимовой.

⁴ Записано 11.07.2003 Н. В. Леоновой, Е. И. Жимулевой, М. М. Андреевой в д. Чуваши Северного района Новосибирской области от Т. А. Слепченко и М. Н. Голубевой.

⁵ Записано 14.07.2003 Н. В. Леоновой, Е. И. Жимулевой, М. М. Андреевой в д. Витинск Северного района Новосибирской области от С. П. Орловой.

своем нижнем тоне. На протяжении трех фраз фольклорной версии песнопения в качестве опоры последовательно утверждается звук *g* (на нем заканчивается каждое из трех построений); таким образом, мелодическая линия фольклорного образца завершается на секунду ниже звука *a* – основного тона богослужебного первоисточника. Возможно, в настоящем образце таким образом проявляется творческое начало исполнительницы – яркой носительницы фольклорной традиции, по-видимому, нетвердо помнящей мелодию песнопения и сочинившей свое завершение.

Рассмотрев каждую из выявленных нами страт, обратимся к методологии В. В. Мазепуса для определения их типов. По интонационному составу можно выделить гомоморфные и гетероморфные страты. К гомоморфным стратам относятся страты чувашских и русских частушек, поскольку каждая из них содержит по одной интонационной модели. Остальные страты, содержащие по несколько интонационных моделей, можно определить как гетероморфные.

Следует учитывать также влияние иноэтнической, в частности, русской музыкальной культуры на формирование современного облика песенной традиции сибирских чувашей. Ряд обозначенных страт можно рассмотреть по характеру взаимодействия, происходящего между двумя музыкальными культурами, и тем самым развить методологию В. В. Мазепуса и его коллег в этом направлении¹⁰. Среди собственно чувашских жанров некоторому воздействию подверглись поздние лирические песни, моделирующие стиль русских песен поздней традиции, которые, соответственно, можно определить как *моделирующую* страту. В заимствованных песнях поздней традиции напевы звучат практически без изменений в сравнении с их русскими источниками, тексты же воспроизводятся на чувашском языке, подвергаются значительным изменениям или же вообще являются самостоятельными, содержащими чувашскую традиционную образность [5, с. 17]. Характеризуя эти образцы с точки зрения соотношения текста и напева, назовем их гибридными песнями (по аналогии с подоб-

ным явлением в мордовской народной музыке¹¹); по интонационному составу эта страта является гетероморфной, поскольку эти песни звучат с разными напевами. Страты заимствованных жанров – русских частушек, фольклоризованных песнопений – обозначим как *переинтонируемые* страты. В образцах переинтонируемых страт присутствуют исходные мелодии русских первоисточников, в процессе же воспроизведения их чувашскими исполнителями происходит в той или иной степени переосмысление и трансформация этих напевов. Результаты проведенного стратифицирования изложены в табл. 3.

Таблица 3

Соотношение жанров и страт

Жанры	Страты
Жанры, традиционные для чувашской музыки	
Песни календарного и семейно-обрядового циклов, гостевые песни, традиционные лирические песни	Гетероморфная страта
Поздние лирические песни	Гетероморфная моделирующая страта
Чувашские частушки и припевки под пляску	Гомоморфная страта
Жанры, заимствованные из русской музыкальной культуры	
Песни поздней традиции	Гетероморфная страта гибридных песен
Русские частушки на чувашском языке	Гомоморфная переинтонируемая страта
Фольклоризованные песнопения	Гетероморфная переинтонируемая страта

В исследовании Н. М. Кондратьевой, В. В. Мазепуса, Г. Б. Сыченко, выполненном на материале интонационной культуры коренного сибирского этноса – теленгитов, присутствует мысль о существовании в ней заимствований (ассимилятов), а также о перспективности анализа соответствующих страт: «Большой интерес представляет периферийная в системе культуры и до сих не изучавшаяся страта, включающая ас-

¹⁰ Идея характеристики страт по отношению к русской традиционной музыке была высказана в устной беседе автора статьи с Н. В. Леоновой, за что мы выражаем ей благодарность.

¹¹ Термин «гибридные формы» был введен в научный оборот Н. И. Бояркиным для обозначения круговых мордовских песен, тексты которых звучат на мордовском языке, а напевы принадлежат русским хороводным песням [2, с. 64, 65].

симилированную русскую частушку и другие ассимилянты... Изучение структур подобного рода представляется важным с позиций теории культуры» [8, с. 223]. Проведенное нами исследование показало, что в фольклорной традиции чувашских переселенцев русские заимствования занимают весьма важное место, они значимы и разнообразны, и потому нуждаются в более пристальном внимании и определении их места в системе интонационной культуры чувашей. Соответственно, в результате анализа заимствованных образцов становится необходимым выявление, обозначение и характеристика новых, ранее не изучаемых типов страт.

Рассмотрение песенной традиции сибирских чувашей с позиций теории интонационных культур предоставило возможность взглянуть на нее под новым углом зрения. Выходя за рамки сложившихся жанровых классификаций, основанных на филологических или же функциональных критериях, подобный подход помогает сосредоточить внимание именно на музыкально-стилевых признаках песенных жанров. Кроме того, проведенная стратификация способствует более верному осознанию роли заимствованных произведений в системе интонационной культуры чувашей Сибири.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Пример 1

Масленичная песня

Ла-ши-се-не ку-ле-ри ла-йа - хи-се, я-лан сьил(и)-хи пё - рё-сем хё-три-се?
 Хё-рё-се-не ан-ри-ри чи-пе - рри-оо, са-оои - оом те шан-крав пек у-ори-се?

Пример 2

Лирическая песня позднего стиля

Ту-хса ла - ргёо зар-та-шю - ле жау пу-лла - са эн кё-гсе.
 Мён тэ - вас мал кар пу-лли - пе пу-рпёр са - ши ки-лес суи.
 Мён тэ - вас мал кар пу-лли - пе пу-рпёр са - ши ки-лес суи.

Пример 3

Чувашская частушка

Музыкальный пример 3: Чувашская частушка. Музыка записана на двух станах в 4/4 такте, один знак бемоль. Темп: ♩ = 88. Текст песни: Су-рә-хне те пу-сма-лла е-ни-пе те су-ма-лла. Са-вни ки-лнӗ кри-льа у-мне ун-ла-тнӗ те ту-хма-лла.

Пример 4

Частушка с русским напевом

Музыкальный пример 4: Частушка с русским напевом. Музыка записана на двух станах в 4/4 такте, два знака диэза. Темп: ♩ = 140. Текст песни: А-йта, и-нке, вӑ-рма-на ху-ра сы-рла пу-ста-рма, Ху-ра сы-рла пыл пе-кеш, ма-нан и-нке чун пе-кеш.

Пример 5

Чувашская песня о несчастной любви с напевом русской тюремной песни «Александровский централ»¹²

Музыкальный пример 5: Чувашская песня о несчастной любви с напевом русской тюремной песни «Александровский централ». Музыка записана на двух станах в 6/8 такте, два знака диэза. Темп: ♩ = 83. Текст песни: Ху-сан с-нчен по-езд ки-лет ча-рнать Е-мре ста-нци-не, А-ча хӑв ту-снӗ ку-рса-сӑн ы-та-ла-са чуп-та-вать.

¹² Записано 16.07.2003 Н. В. Леоновой, Е. И. Жимулевой, М. М. Андреевой в д. Витинск Северного района Новосибирской области от Т. Г. Сергеевой, З. Н. Тихоновой.

Пример 6

Трисвятое (письменный богослужебный вариант песнопения)

Свѣ - тѣй бо - ге, Свѣ - тѣй Кре - стѣ, Свѣ - тѣй не - сече - рѣмѣ, не - ви - дѣ - мѣ.

Пример 7

Трисвятое (фольклорная версия песнопения)

Свѣ - тѣй Бо - ге, Свѣ - тѣй Кре - стѣ,
Свѣ - тѣй бес - сме - рѣмѣ, по - ни - мѣ - мѣ.

Литература

1. Божественная литургия. Часть 1. Литургия оглашенных. Для малого смешанного хора. – М., 1997.
2. Бояркин Н. И. Мордовское народное музыкальное искусство. – Саранск, 1983.
3. Исмагилова Е. И. Песнопение «Трисвятое» в похоронных обрядах тюркских народов Сибири (шорцев, хакасов, чувашей) // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2014. – № 29–1. – С. 127–136.
4. Исмагилова Е. И. Русские песни поздней традиции в музыкальном фольклоре чувашей Сибири // РАХ SONORIS: науч. журн. – Астрахань: КПЦ Полиграфком, 2013. – Вып. VII. – С. 14–20.
5. Исмагилова Е. И. Современное состояние песенного фольклора чувашей Сибири // Сиб. филол. журн. – 2017. – № 2. – С. 16–27.
6. Кондратьев М. Г. Народная музыка [Электронный ресурс] // Чувашская энциклопедия: в 4 т. – URL: <http://enc.sar.ru/?t=publ&lnk=3324> (дата обращения: 30.10.2017).
7. Кондратьев М. Г. Чувашская музыка: от мифологических времен до становления современного профессионализма. – М.: ПЕР СЭ, 2007.
8. Кондратьева Н. М., Мазепус В. В., Сыченко Г. Б. К теории интонационных культур: интонационная культура теленгитов // Вопр. музыковедения: сб. ст. – Новосибирск, 1999. – С. 212–225.
9. Леонова Н. В. К проблеме изучения фольклора неславянских переселенцев Сибири // Мельниковские чтения: мат-лы седьмой межрегион. науч.-практ. конф. – Новосибирск, 19 фев. 2015 года. – Новосибирск, 2015. – С. 53–56.
10. Леонова Н. В. О методах изучения музыкально-фольклорных традиций сибирских переселенцев // Народная культура Сибири: мат-лы XXII науч.-практ. семинара Сиб. регион. Вузов. центра по фольклору. – Омск, 2014. – С. 57–61.

11. Леонова Н.В. Проблемы изучения фольклорных традиций вторичного формирования (на сибирской мат-ле) // Первый Всерос. конгресс фольклористов: сб. докладов. – М.: Гос. республик. центр рус. фольклора, 2006. – Т. II. – С. 450–463.
12. Сидорова Е. С. Возникновение и развитие жанра частушек в чувашском фольклоре // Исслед. по чувашскому фольклору. – Чебоксары, 1984. – С. 119–141.
13. Шейкин Ю. И., Цеханский В. М., Мазепус В. В. Интонационная культура этноса (опыт системного рассмотрения) // Культура народностей Севера: традиции и современность. – Новосибирск, 1986. – С. 235–247.

References

1. *Bozhestvennaya liturgiya. Chast' I. Liturgiya oglashennykh. Dlya malogo smeshannogo khora [Divine Liturgy. Part I. Liturgy of catechumens. For a small mixed choir]*. Moscow, 1997. (In Russ.).
2. Boyarkin N.I. *Mordovskoe narodnoe muzykal'noe iskusstvo [Mordovian folk music art]*. Saransk, 1983. (In Russ.).
3. Ismagilova E.I. Pesnopenie “Trisvyatoye” v pokhoronnykh obryadakh tyurkskikh narodov Sibiri (shortsev, khakasov, chuvashy) [The “Trisagion” singing in the burial rites of the Turkic peoples of Siberia (Shores, Khakass, Chuvash)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2014, no. 29-1, pp. 127-136. (In Russ.).
4. Ismagilova E.I. Russkie pesni pozdney traditsii v muzykal'nom fol'klоре chuvashy Sibiri [Russian songs of late tradition in the musical folklore of the Chuvash of Siberia]. *PAX SONORIS. Scientific journal*. Astrakhan, Poligrafkom Publ., 2013, iss. VII, pp. 14-20. (In Russ.).
5. Ismagilova E.I. Sovremennoye sostoyanie pesennogo fol'klora chuvashy Sibiri [The present state of the song folklore of the Chuvashes of Siberia]. *Sibirskiy filologicheskyy zhurnal [Siberian Philological Magazine]*, 2017, no. 2, pp. 16-27. (In Russ.). DOI: 10.17223/181370.
6. Kondratyev M.G. Narodnaya muzyka [Folk music]. *Chuvashskaya ehntsiklopediya: v 4 tomakh [Chuvash encyclopedia in four volumes]*. (In Russ.). Available at: <http://enc.cap.ru/?t=publ&lnk=3324> (accessed 30.10.2017).
7. Kondratyev M.G. *Chuvashskaya muzyka: ot mifologicheskikh vremen do stanovleniya sovremennogo professionalizma [Chuvash music: from mythological times to the formation of modern professionalism]*. Moscow, PER SE Publ., 2007. (In Russ.).
8. Kondratyeva N.M., Mazepus V.V., Sychenko G.B. K teorii intonatsionnykh kul'tur: intonatsionnaya kul'tura telengitov [To the theory of intonational cultures: the intonational culture of telengits]. *Voprosy muzykoznaninya: sbornik statey [Questions of musicology. Collection of articles]*. Novosibirsk, 1999, pp. 212-225. (In Russ.).
9. Leonova N.V. K probleme izucheniya fol'klora neslavjanskikh pereselentsev Sibiri [To the problem of studying the folklore of non-Slavic immigrants of Siberia]. *Mel'nikovskie chteniya: materialy sed'moy mezhhregional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Melnikov's readings. Materials of the seventh interregional scientific-practical conference]*. Novosibirsk, 2015, pp. 53-56. (In Russ.).
10. Leonova N.V. O metodakh izucheniya muzykal'no-fol'klornykh traditsiy sibirskikh pereselentsev [On the methods of studying the musical and folklore traditions of Siberian migrants]. *Narodnaya kul'tura Sibiri: materialy XXII nauchno-prakticheskogo seminarov Sibirskogo regional'nogo vuzovskogo tsentra po fol'kloru [Folk culture of Siberia: Articles XXII scientific workshop of the Siberian regional center of university folklore]*. Omsk, 2014, pp. 57-61. (In Russ.).
11. Leonova N.V. Problemy izucheniya fol'klornykh traditsiy vtorichnogo formirovaniya (na sibirskom materiale) [Problems of studying folklore traditions of secondary formation (on Siberian material)]. *Pervyy Vserossiyskiy kongress fol'kloristov: sbornik dokladov [First All-Russian Congress of Folklorists. Collection of reports]*. Moscow, State Republican Centre of Russian Folklore Publ., 2006, vol. II, pp. 450-463. (In Russ.).
12. Sidorova E.S. Vozniknovenie i razvitie zhanra chastushek v chuvashskom fol'klоре [The emergence and development of the genre of ditties in the Chuvash folklore]. *Issledovaniya po chuvashskomu fol'klору [Research on Chuvash folklore]*. Cheboksary, 1984, pp. 119-141. (In Russ.).
13. Sheykin Yu.I., Tsekhanskiy V.M., Mazepus V.V. Intonatsionnaya kul'tura etnosa (opyt sistemnogo rassmotreniya) [Intonational culture of ethnos (experience of systemic consideration)]. *Kul'tura narodnostey Severa: traditsii i sovremennost' [Culture of the peoples of the North: traditions and modernity]*. Novosibirsk, 1986, pp. 235-247. (In Russ.).